

Алексей ПЕНДРАКОВСКИЙ

г. Москва

— **С**тояли так долго, оттого что дороги — Сремонтировали. Но уж никак не поезд. Нечего на него гнать! — громогласно вступил в спор Федя Добров, немного испугав соседей по купе своим басом. — Известный-то поезд — «Тихий Дон». Как же его... «19 С» на 20! — Последнее Добров и вовсе выкрикнул на манер «бинго!».

Федина жена, сидевшая рядом, поморщилась. Ещё ей было тесно от длинных ног Доброва, которые тот раскинул, чтобы распределить свой огромный рост в купе. Напротив них, так же на нижней полке, расположилась пара — ровесники, лет тридцати. Ночью все испытывали стеснение от такого соседства.

— Ну-у... — протянула женщина. — Вижу, вы разбираетесь в поездах.

— В любых поездах! — с энтузиазмом уточнил Добров. — Хотя в последнее время водил подземные.

— О, впервые общаюсь с машинистом метро! — женщина нелепо рассмеялась, на мгновение спрятавшись за плечом своего спутника. — Всегда хотела спросить... Какой вид у вас из первого вагона? Сквозь лобовое стекло...

— Вид запомнил навеки. Хорошо — хоть ушёл с такой работы. Темнота и фонарики — что ж ещё? Порой и вовсе стараешься себя развлечь, всматриваешься в эту темень. Фантазируешь. У обычных машинистов работка то поинтереснее будет. Их поезда не загнаны ни в какие тоннели, путешествуешь себе, смотришь природу. А у нас? В подземке всё время, только на станциях вроде «Измайловской» — аллилуйя! — выходишь на поверхность! — снова почти прокричал Добров.

Жена Федора выразительно взглянула на девушку, покачав головой, будто извиняясь за громогласность мужа, а затем сама вступила в разговор:

— Говорили, вы диетолог?

— Да.

— Стало быть, лечите жирных? — тут же вклинился Добров.

— Ну... — пожал плечами попутчица. — Они составляют большую часть моих пациентов.

— Ха-х, «большую»! Какую же им ещё составлять? Я вот никогда не понимал, какое место у толстых большое? И как оно у них заболело, как травмировалось? — довольный своей шуткой, хохотнул Фёдор.

В купе повисла тишина. Лишь спутник женщины-диетолога натужно улыбнулся Доброву, показав, что хоть кто-то оценил своеобразный юмор.

— Никого тебе не жалко, Фёдь, — поджала губы жена.

— А что же мне их должно быть жалко? Главное в человеке — тело. Чего же они его не берегут?

— Вы действительно считаете, что главное в человеке — тело? — переспросила соседка по купе.

— Ну да, вы же сами врач, — бесцеремонно ткнул в нее пальцем Фёдор. — Разве врачи должны считать иначе?

— Хм, я всё же полагаю, что главное — это интеллект, сознание, — усмехнулась диетолог. Затем она о чём-то пошептала со своим спутником, после чего объявила:

— Мужчин прошу выйти. Подъезжаем, мне нужно переодеться.

Добров, бросив в оконченный спор фразу «А тело что, приложится?», встал, согнувшись почти пополам, вышел из купе и прильнул к окну. Дон предстал бесконечной полосой воды, тянущейся среди неправильных степей: их монотонность то и дело прерывали деревья. Казалось, вот-вот должна была начаться цивилизация, попадались дома или даже горстки домов, которые, однако, были оторваны друг от друга расстоянием.

Добров был в спортивном костюме. На спине красовался баскетбольный мяч с эмблемой «ОАО «Ставни». Вышедший следом за Добровым сосед по купе решил завязать разговор:

— Играли в баскетбол?

На мгновение Добров обернулся. Затем, усмехнувшись, философски заметил:

— Баскетбол всё равно что онанизм. И не только потому, что руки тренирует. Он к тому же не проходит с возрастом.

Услышав за спиной смех собеседника, Фёдя снова повернул к нему голову и пояснил:

— Играл за контору, — показал Фёдор большим пальцем на свою спину, — пока работал у них механиком. Но потом в метро устроился, под землю ушёл. Да и травму заработал. Нога до сих пор ноет!

Они перекинулись ещё парой фраз, затем дверь купе отворилась и сосед зашел внутрь, а Добров снова уставился в окно. Дома попадались уже чаще. Поезд мчался, Дон тем временем отдалялся, а потом вовсе исчез из поля зрения. Фёдор не заметил, как параллельно железной дороге вскоре пошли автомобильные трассы. В тамбуре столпились люди, ожидая остановки.

Пропыхтев остаток пути до конечной — Ростова-на-Дону, поезд издал последний вымученный скрип, дернулся и встал.

— Фёдь, сумку-то мою держи! — напомнила жена.

До Доброва дошло, что они приехали.

Сойдя с поклажей на перрон, он сразу бросил сумку к ногам, достал сигарету и закурил. К нему тотчас откуда ни возьмись подлетел бомж, промышляющий на вокзале:

— Есть курить?

Добров вновь достал пачку, открыл её, но обнаружив, что там осталась одна сигарета, потряс пачкой перед лицом бомжа:

— Не, одна осталась, братец.

Вскоре на перрон спустилась жена Доброва.

— Ну, Фёдь, позвонил человеку?

— Подожди, Оксан, — махнул рукой Добров. После долгого укоряющего взгляда жены он присел на корточки и стал рыться в ее сумке.

— Что ты делаешь? — недоуменно подняла бровь Оксана.

— Ищу мобильный.

— Говорил же, что належке поедешь! — заворчала жена. — Что тебе кроме трусов и носков ничего брать не надо. Небось, ещё какие-то вещи ко мне в сумку сплавил?

Отыскав мобильный, Добров поднялся с корточек. Отбросив сигарету, начал набирать номер. Оксана склонилась к сумке, шёпотом ругаясь, утрамбовывала массу одежды, разворошенную Добровым.

— Говорит, ждать у выхода, — объявил Фёдор, нажимая кнопку разрыва соединения.

В тот весенний день дул ветер, облекая жару, столь обычную для Ростова. Добров с женой зашли в помещение вокзала, пройдя его диагонально, вышли на улицу. Ветер, пусть и не сильный, поднимал пыль, которой, должно быть, на земле скопилось слишком много от долгих безветренных дней.

— Федь, а можно у тебя поинтересоваться, когда это ты решил уйти с работы? — начала вдруг разговор Оксана.

— А я разве говорил, что решил? — будто безразлично обронил Федор.

— Ну, в поезде ты говорил о ней в прошедшем времени...

Брови Доброва дёрнулись вверх.

— Оксан, давай потом, а? — попытался отмахнуться он, а потом вдруг помялся и выдал себя: — Мне будет хватать денег с продажи лошадок... Хочу поразмыслить... Может, ну её — работу...

Оксана ухмыльнулась:

— Федь, а сколько времени ты надеешься протянуть на триста тысяч?

— Триста двадцать пять вообще-то... — уточнил Федор.

В этот момент к ним подъехала выдавшая виды «копейка».

— Федя, ты? — из салона прокричал водила. — Залазь!

Водителем был пожилой Андрей Чураба. Несмотря на солидный возраст Андрея, его волосы сохраняли желтоватый цвет, хотя лицо было многократно надтреснуто морщинами.

— Толя говорил, что ты большого роста, — пробасил Чураба, когда Добров уместился на переднем пассажирском сиденье.

Оксана с сумкой расположилась сзади.

— Приветствую! — протянул водителю руку Добров. — Да уж, не думал, что когда-нибудь окажусь здесь.

— Ну, всё течёт на круги своя, — протянул Чураба, — как грязь по Дону в море.

«Копейка» тронулась в путь. Они ехали по улицам Ростова. Оксана с любопытством разглядывала южный город, мужчины предались воспоминаниям.

— Сколько тебе было, когда приезжал в последний раз? — спросил Чураба, не сводя глаз с дороги.

— Лет десять где-то... Ещё до всяких лошадей, — усмехнулся Добров. — Кстати, как они?

— Нормально, все три, — заверил Андрей.

По узким плохо асфальтированным улицам они выехали на мост, тянувшийся над Доном от Ростова к другому берегу. Пейзажи стали похожими на те, что были утром в окне поезда. Добров достал мобильный и набрал номер:

— Да, Артём, вы? Я приехал. Во сколько вас ждать завтра?

Во время разговора по телефону зачем-то развернулся к Оксане, сидевшей сзади, протянул ей свою длинную руку и, взяв её кисть, то поглаживал, то тряс в такт словам. Выслушав собеседника на другом конце провода, Добров громогласно заключил: «Понял!», а потом обратился к Чурабе:

— Это покупатель был. Как там его?..

— Никифоров Артём Вячеславович, — подсказал Андрей.

— А... Важная шишка? — смекнул было Добров.

Чураба напряг и без того сморщенное лицо и ответил:

— Для меня шишек важных не бывает.

— Так вот, — продолжил Добров, — мы с ним завтра едем заключать договор продажи. А сейчас он сказал, что за лошадьми приедет в среду. Мол, транспорт соответствующий только тогда будет.

Чураба кивнул.

Слева виднелось Азовское море, переливавшееся сине-зелёным цветом. Оксана бросила пару фраз о море, пытаясь добиться какой-то реакции и от Доброва, но тот избрал иную тему для разговора.

— Ну, расскажи, что ли, как батька помер? — уставился он на Чурабу.

Тот хмыкнул и начал:

— Пошёл Вовка-конюх с утра проверить стойла, а там и лежит тело. Конь с одного удара копытом пробил голову...

Добров кивнул, но дальше расспрашивать не стал.

Минуя Азов, молча проехали ещё километров пятьдесят, затем свернули с шоссе на какую-то сельскую дорогу и оказались в селе, где все дома были расположены строго в два ряда.

«Копейка» остановилась у ворот.

— Ну, вот и приехали, — объявил Чураба, вышел из машины и исчез за воротами.

— Так ты бывал здесь раньше? — спросила Оксана мужа, с опаской оглядываясь на новом месте.

— Ворот таких что-то не помню, — безразлично зевнул Добров.

Оксана стала рыться в сумке. Ворота открылись, из них вышел Чураба и снова сел за руль. Проехав несколько метров, они оказались посреди просторного участка, на котором стояли три небольших дома, не считая конюшни и сарая. Добровым был отведён один из них.

Чураба подождал, пока прибывшие расположатся, а после предложил:

— Могу показать вам коней.

Добров ничего не ответил. Все-таки усталость давала о себе знать

— Давайте! — неожиданно охотно и бодро откликнулась Оксана.

— Сейчас у нас три ваших коня и одна кобыла с жеребёнком. Солидный набор образовался, — деловито толковал Чураба, когда они подходили к конюшне.

Он познакомил гостей с конюхом Вовой, загорелым парнем с оттопыренной губой, подвёл Добровых к стойлам.

— Можно погладить? — спросила Оксана.

— Гладь, гладь, — сказал Чураба, любовно поглаживая лоснящийся конский бок. — Вот этого звать Лот, этого — Панкрат, а этого — Клевтис, — ткнул он пальцем в каждого по очереди.

— А который папку моего ухайдакал? — спросил Добров, стоящий ближе к выходу, чем к стойлам.

— Панкрат, — показал Чураба на рыжего коня, самого крупного из тройки.

Добров, помрачнев, вздохнул и вышел из конюшни. Чураба последовал за ним.

— Знаешь, не каждому перепадают три лошади... — начал было он, но Добров перебил:

— То, что повезло, я и так знаю. Давай не будем о лошадях. Пойми верно — они не интересуют. А вот о машине твоей я бы поговорил.

— А? — не понял Андрей, вопросительно уставившись на Федю.

— Что-то в ней стучит! — пояснил Добров, для наглядности жестикулируя руками.

— Не знаю... С чего ты взял? — развел руками Чураба.

— Да я тебе говорю! — настаивал Добров.

Они проследовали к машине, и Федя изучал её с полчаса, пока не заключил, что проблема в крестовине.

Покупатель Никифоров приехал рано утром следующего дня с женой. Добровы уже ждали их у калитки. Ростом и возрастом Никифоров походил на Чурабу, однако старение избрало для него иной вариант: волосы Никифорова были белыми, казалось, достигшими абсолюта в своём цвете, а лицо гладким, без явных морщин. Добров с Никифоровым пожали друг другу руки.

— Здравствуйте, здравствуйте! Куда первым делом? — приветливо раскланивался Добров.

Он уже заметил позади покупателя «Volvo».

— Сначала я бы посмотрел на лошадей... — сдержанно ответил Никифоров.

— А, ну милости просим. — Добров радушно распахнул калитку. — Благо конюх уже не спит, — впусив гостей на участок, крикнул: — Володя!

Заспанный полуодетый Вова вышел из хаты через пару минут, с недоумением глядя на Доброва.

— Володь, покупатели тут... Лошадей посмотреть хотят... — чуть виновато объяснил Добров.

Все зашли в конюшню. Женщины, Вова и Никифоров подошли к стойлам. Добров остался стоять в дверях. Оттуда он вещал:

— Лот, Панкрат и... — жестом попросил подсказку у Вовы, тот ответил:

— Клевтис!

— И Клевтис, — подхватил Добров.

— Панкрат — это тот, который донской породы? Насколько я помню из резюме, — попытался уточнить заинтересованный Никифоров.

Добров, который одной ногой уже вышел из конюшни, беспечно ответил:

— А! Я не разбираюсь в породах. Знаю, что самый дорогой — Панкрат.

Никифоров вопросительно взглянул на Вову как на более осведомлённого.

— Панкрат, — подтвердил тот.

Договор поехали подписывать в Таганрог. Добров, сев в машину, сразу же объявил:

— Москва сегодня одета по-простому, — взглядом он окинул свои спортивки, усмехнувшись. — Надеюсь, во все места важные пустят.

— О, насчёт этого не беспокойтесь! Что вы! Кстати, занимаетесь каким-нибудь спортом? — почти как у доброго уже знакомого спросил Никифоров.

— Да пол-России так когда-то ходило, — заверил Добров. — И что, поколения спортсменов? Но есть в такой одежке, однако, что-то душевное, скажу я вам. — В его голосе послышались мечтательные нотки. — Как раз под стать народу нашему. В начале девяностых я водил поезд до Праги. И там, конечно, удивляло: каждый одет именно что по-своему. И состояния души там тоже наверняка общего нет.

— Хм, пронизательно, про-ни-цательно, — протянул Никифоров, крутя рулём при входе в поворот.

— Однако времена, смотрю, меняются, — размышляя вслух, продолжил Добров. — По всем странам расползаются одни и те же шмотки, будто во всемирной прачечной перепутали, где чьи талоны, где чьи корзины...

— Пронизательнее всего Федя становится, когда говорит о своей работе, — нервно засмеялась Оксана, будто пытаясь прикрыть неловкость мужа.

— Кем сейчас работаете? — тут же поинтересовался Никифоров у Доброва. — Вы, как я понял, не разбираетесь в лошадях. Не было у вас мысли пойти по стопам отца?

— Нет, не было. Да и потом... Я в Москве сотню лет живу, — ответил Добров. — А спортом и вправду занимался. Играл в баскетбол.

— Вот! — утвердительно кивнул головой Никифоров. — Я потому и спрашивал, вижу: рост какой — для спорта подходящий.

— Ну да, баскетбол — игра настоящих здоровяков. Ведь вроде совсем недавно был молодым. Эх, если бы не травма...

— Травма чего? — мигом подхватил Никифоров.

— Правой ноги, — сказал Добров и потёр правое бедро.

По договору общая сумма лошадей состави-

ла триста двадцать пять тысяч рублей. Самым дорогим был конь Панкрат золотисто-рыжей масти, донской породы стоимостью в сто двадцать пять тысяч рублей. Выйдя из нотариальной конторы, Добров расслабился и впервые за день ощутил всю его солнечность и теплоту. Затем был поход в банк, где капитал благополучно перекочевал на добровскую банковскую карточку. Под конец Никифоров предложил пойти в сторону набережной и прогуляться в поисках какого-нибудь кафе — обмыться. Выбрали ресторан со стеклянными дверями и столиками напротив огромных окон.

— Всех угощаю шампанским, — артистично объявил Никифоров.

Внутри ресторана работал кондиционер, не перебивая окружающие запахи, а лишь делая их еще отчётливее своей прохладой. Меню было скучным и состояло лишь из завтрака и перекусов: омлеты, бутерброды, фрукты. Шампанское, однако, оказалось в наличии, так что спустя пять минут ожидания бутылка пузырями и брызгами разливалась по бокалам.

— Ну, за лошадей пить не предлагаю, так как никаких эмоций к ним не испытываю. Давайте за успешную сделку... За то, что и нам хорошо, и вам, — взял инициативу в свои руки Добров.

Он ел шницель с зеленым горошком, запивая квасом. Блюдо обошлось в сто пятьдесят рублей, и Добров, учитывая все московские мерки, был несказанно рад, что тривиальный поход в ресторан не отнял у него много средств.

— Так что? Только женщины, что ли, шампанское пить будут? — спросил Никифоров, с сожалением вспомнив, что он за рулём.

— Ну, поинтересовался бы раньше, — ответил Добров, фамильярно тыкнув Никифорову. — Я шампанское не пью.

Никифоров в ответ промямлил что-то неразличимое.

Спустя час компания вышла из ресторана и направилась обратно, к машине.

— А город-то особенный, правда? — довольно заметил Никифоров. — Вы, кстати, забыли спросить, играли в баскетбол за какую-нибудь команду?

Вдаваться в подробности своего прошлого у Доброва желания не было.

— Ну, разве что за какую-нибудь... — лениво бросил он.

Нескончаемо длинная Каменная лестница спускалась вниз, на набережную. На ступеньках, что возвышали скромный город над водой, было безлюдно. Постояли с минуту.

— У вас сигареты не будет? — негромко спросил Никифоров.

Его жена, до этого момента не сказавшая ни слова, укоризненно покачав головой, прикрикнула:

— Аркаша!

Добров, любуясь живописной набережной, яхтами на спокойной азовской воде, равнодушно ответил:

— Нет, я завязываю с этим понемногу. Всё реже и реже покупаю. Мне ведь возможно-таки удастся вернуться в спорт.

Всю дорогу обратно Фёдор смотрел в окно. Это было ему привычно за годы работы машинистом железнодорожного поезда: когда в голову не лезет лишнего, а ты сквозь стекло рассматриваешь мир, дорогу, деревья, движение. И не было это для Доброва скукой. Пусть взгляд его и становился пустым, но попадись ему в это время на глаза нечто из ряда вон — оно непременно отправилось бы в закрома памяти.

Вернувшись, Добров сразу заявил, что хочет спать, и ушёл в однокомнатный гостевой дом, отведённый хозяевами ему и жене.

...Снился ему солнечный день, такой же, как этот. На дворе в компании здоровяков Добров играл в баскетбол. Он видел, как ведёт мяч в привычной манере, затем упирается в блок, на пути ему встают двое. И тут он, зацепленный, словно крюком, чьей-то ногой, падает на асфальт.

Он проснулся в восемь. Не обнаружив Оксаны в домике, пошёл в соседний, в котором жили Чураба с Вовой.

Добров без стука открыл дверь, миновав небольшую прихожую, оказался в гостиной. Там был накрыт стол, за которым сидели Вова, Чураба, какой-то старик с усами размером с две густые брови и Оксана. Добров подсел на диван к жене.

— И давно ты здесь? — спросил тихонько.

— Наверное, час, — шепнула Оксана. — Как спалось?

— Нормально, — так же тихо ответил Фёдор, а потом привычно громко обратился к Чурабе: — Держи за помощь двадцатку.

Тот, взяв купюры, одобрительно кивнул:

— Хорошо, что покупатель приличный нашёлся. Другое предложение ко мне с Тимирника поступало. Но там, чую, съели бы лошадак...

— Ух, только не это! — рассмеялся Добров, присматриваясь к угощению на столе.

— Тебе что, лошадак жалко? — спросила Оксана, подвигая мужу тарелку.

— А как же? Мне всех на свете жалко! — ответил Добров громко и на этот раз без смешка, хотя улыбка продолжала оставаться на его лице.

— Так что, это сын Толи? — впервые подал голос усатый старик.

Чураба чуть привстал из-за стола:

— Да, знакомься, это Фёдор! Федея, это атаман Шевчук Сергей Сергеевич.

— Здравствуйте! — только и брякнул Федея новому знакомому.

— И не жалко тебе, Фёдор, что продал лошадей? — с расстановкой, по-отечески ласково пробасил Доброву атаман.

— Нет, — хмыкнув, усмехнулся Добров, — лошади мне неинтересны.

— Зря, — сказал старик, отпив вина, — удивительные животные — лошади. Помню, видел сцену подростком... Тогда шла война, и немцы проводили в домах обыск. Я услышал выстрелы с конюшни, что была при колхозе, — мерзковатое место. Зашёл во двор и смотрю — лошади бегают вокруг машины. В машину забились фрицы и стреляли из окон. А лошади будто танцевали вокруг них... Отбегали иной раз, будто предвкушая выстрел, но затем атаковали снова. Какие-то падали застреленные... Лошади, Федея, удивительные животные, они даже в бой вступают будто в танце.

Добров сначала смолчал, но затем, уже было отвернувшись, нашёл что сказать:

— Ну а с тачкой как? Вдребезги?

Но дед не ответил, он чуть привалился на стол, словно размякший от рюмочки и воспоминаний.

Добровы ради компании посидели за столом еще с час, а затем объявили, что им пора идти спать.

— А мы сейчас кобылу пойдём ковать! — бодро ответил захмелевший уже Чураба. — Вот только выпьем для процесса.

Вернувшись в домик, Оксана стала готовиться ко сну — сняла с себя почти всё. Добров же сел на стул, что был напротив кровати. Он настраивался на серьезный разговор.

— У меня к тебе две новости, — начал он, — во-первых, я ухожу с работы, во-вторых, я вспомнил, как повредил ногу.

Оксана недоуменно взглянула на мужа:

— Что ты вспомнил? Какую ногу, Федь?

— Это было, когда я приезжал к Костику на Сокол. Вернее, не помню, когда точно, но определённо в один из тех разов, — заключил Добров.

— Ты уходишь с работы? — всполошившись, переспросила жена, когда до нее дошло, что было озвучено первым пунктом.

— Да-да! — не терпящим возражений тоном ответил Федор. — Мне хватит этих денег, чтобы поразмыслить.

Оксана в растерянности опустила на крайчик кровати.

— Федь, ты тупой, а? — выдохнула она.

Добров махнул своей ручищей:

— Ты ничего не понимаешь. Буду снова спортсменом, а не рабочей...

— Ты потеряешь единственную работу! — взвилась жена. — Федь, этих трёхсот тысяч нам хватит на полгода!

— Слушай, мои триста тысяч! — рубанул он.

— Да они просто перепали тебе, — еще больше заводилась Оксана от таких перспектив. — Благо, ты везучий!

— Перепали?! Как это «перепали»? Да у меня батя умер, а!

— Да тебе все равно до этого бати! Тебе до всех дела нет! Тебе лишь ногу свою жалко. Уже давно бы вернулся в свой спорт... — в конце фразы раскрасневшаяся Оксана даже как будто всхлипнула.

Добров не выдержал, вышел и хлопнул дверью. Он направился к Чурабе, однако соседняя хата была пуста. Обернувшись, Добров заметил свет на конюшне. Немного помаяв-

шись с тяжелой, плотно подогнанной дверью, Добров оказался внутри. Слева были стойла, справа — какая-то дверь. Федор напрямик отправился к ней. В другом помещении тихонько фыркал и посапывал конь. Тут же Добров увидел Чурабу, разглядывавшего копыто, зажав под мышкой лошадиную голень. Рядом на корточках сидел Вова.

— Дай тот шип. Сопоставим, — прошептал Чураба. — Молоток давай.

Чураба ударил пару раз по копыту, видимо, довершая работу.

— О, Федь, проходи! — поднял глаза Чураба.

Добров зашёл в манеж. Чураба и вправду закончил дело и велел Вове отвести лошадь в стойло.

— Инструменты я сам в сарай занесу! — крикнул он ему вслед.

Оставшись с Добровым, он жестом фокусника извлек откуда-то открытую бутылку вина и сделал несколько жадных глотков.

— Будешь? — протянул он её Доброву, облизывая губы.

Добров кивнул и тоже припал к горлышку.

Чурабу потянуло на задушевные беседы.

— Расскажи-ка мне что-нибудь про поезда, машинистов, — начал он. — Там, наверно, своей подноготной хватает. Ты ведь поезда водил раньше?

— Да, водил, — лениво произнёс Добров, зевая. — Но уж лучше ты мне расскажи чего-нибудь. На ум не приходит ни истории...

На самом деле истории никуда от Доброва не уходили, просто настроение выдалось иное. И хмель разморил.

От Чурабы сильно несло вином. Он сидел на сене, пьяно покачивая головой.

— Слышал, что сегодня атаман про лошадой затирал? Вступают в бой, как в танец... Надо же, вот что он может сказать о лошадях! Это от того, что дел с ними не имеет. Так, судит со стороны, — вслух размышлял Чураба. — А по мне, о лошадях надо говорить, как ты о технике. Помнишь ведь, как про «копейку» мою расписывал? Технарь механизм чувствует, вот и слова правильные иной раз подберёт. Лошади — они сегодня без подков никуда, землю-то заасфальтировали. Вот им приходится в неволе сидеть, пахать да пахать, менять подковы, чтоб в мир нормально

выйти. Несвободное животное — лошадь. Хоть и выглядит так, будто куда угодно убежать может, хочет, норовит. — Чураба обратно перехватил у Феди бутылку и допил её залпом.

Проснувшись рано утром от жажды, Добров опустошил бутылку минералки, стоявшую рядом с кроватью. Жена еще спала. Федя встал, прошёл по комнате, порывлся в вещах Оксаны. Не найдя нужного, обратил внимание на комод. Выдвинув верхний ящик, Добров обнаружил в нем старую фотографию, на которой он, будучи еще маленьким, сидит у отца на колене. Там же были документы на имя Анатолия Доброва, а также какая-то коробочка. Внутри оказался бритвенный станок, еще пара жвачек и зубная щётка. Добров взял щётку с чувством той победы, что приходит внезапно, когда повезло, когда чудом находишь то, что искал, хотя и особенно-то не рассчитывал. Порывшись основательнее в сумке с вещами Оксаны, нашёл там тюбик зубной пасты. Нанёс пасту на сухую щётку и принялся чистить зубы, поглядывая в окно. Сначала Добров подумал, что ему привиделось. Затем, сплюнув пасту куда-то в сторону, удостоверился: ворота усадьбы были открыты, а во дворе стоял конь рыжего цвета.

— Эй! — неожиданно для себя крикнул Добров.

Он метнулся к окну и распахнул створки.

— Чего там? — донёсся сонный шёпот Оксаны.

— Конь уходит! — крикнул взволнованный Федя.

— Чего?

— Уходит! — Добров обернулся к жене, лежащей под одеялом, хотел еще что-то сказать, но вдруг рванул из дома во двор.

— Вова! Вова! Андрей! Вова!! Мать твою, Вова! — орал что есть мочи Добров.

Конь, сделав полкруга, направился к воротам.

— Стой! — бежал за ним Федор.

Конь поравнялся уже с открытыми дверями усадьбы. Настигнув его сзади, Добров не знал, что делать, ведь в лошадях он не смыслил, уже было потянул руку, пытаясь ухватить коня за хвост...

— Стой!

Конь внезапно встал на дыбы, махнув перед-

ними копытами. Добров замер. Ему показалось, что и конь в то мгновение застыл в стойке на задних ногах.

— Федя, назад иди! Федя, стукнет же! — истошно кричала Оксана из окна.

Конь вдруг опустился на четыре ноги, развернулся и пошёл вон. Добров продолжал стоять без движения. Спустя десяток минут он в ярости захлопнул дверь конюшни и вернулся обратно в дом.

— А как?.. — только и успела спросить Оксана, но Добров резко с досадой отмахнулся:

— Знать не знаю. Сейчас Чурабу пойду будить. Дверь в конюшню открыта была. Может, поэтому и лошадь смылась.

— А которая из...

— Я в них понимаю? — перебил, расстроено усмехнувшись, Федор.

Чурабу долго искать не пришлось. Тот спал в отдельном домике.

— Как так? Ну, Вовка! Хотя, может, и мой прогляд это... — виновато сокрушался Чураба, потирая затылок.

— А Никифорову вы про чей прогляд говорить будете? — поддел Добров.

— Да найдём мы его, не переживай! — успокоил Андрей. — Далеко не уйдёт Панкрат.

— А... Так это тот самый, что... — не завершил фразу Федя.

— Ну да. Да я же говорил тебе. Никуда не денется он. Я сам за ним направляюсь. Небось пошёл на поле одно, куда Вовка его водит. Никуда конь не денется, догоним сейчас.

Тут в кухне появился и Вова. К оттопыренной губе в то утро добавилось еще и опухшее лицо.

— Да ладно, — попытался хоть немного сгладить неприятную ситуацию Федор. — Если что, я завтра перед отъездом Никифорову верну деньги за этого коня. А тебя, Андрюх, не виню. Если б не ты, небось я ни гроша не унаследовал бы.

Андрей, который уже собирался идти в поле, отмахнулся:

— Да что ты! — фыркнул Чураба. — Найдём коня. О чем я вчера тебе рассказывал-то? Мир не под коней сегодня сделан, а больше под машины... Главное только, чтобы мы нашли его первыми.

Затем Чураба позвонил кому-то, попросил, чтобы пришли присмотреть за лошадьми, а сам, прихватив Вову, уехал на «копейке».

— Лошадь тоже в ней повезёт, — усмехнулся Добров, и на душе стало спокойнее.

Затем он гулял по двору, улыбаясь тому, что ему одному ведомо.

Оксана застала мужа в благожелательном настроении, открывающего калитку.

— Фёдь, ты куда? — крикнула она с крылечка вслед ему.

— В ларёк. После такого утречка и выпить не грех. К шести буду.

Спустя несколько минут Добров вышел на перекрёсток, где располагались продуктовые ларьки, мимо проезжали автобусы. Он почувствовал, что на лысину ему упала теплая капля воды, затем настойчиво ещё и ещё, стали появляться темные пятна на земле — начался дождь. Сунув руку в карман, он обнаружил в нём лишь электронную карту, пусть и богатую финансами, но совсем не пригодную для ларьков. Дождь мгновенно обратился в ливень. Добров решил было идти обратно, развернулся, но вдруг увидел в двух шагах перед собой автобус «Азов — Порт-Катон», который в тот момент замер на остановке с открытыми дверями. Рванув, он запрыгнул в автобус. Почти все места оказались заняты, люди смотрели пристально на нового пассажира, который настойчиво пытался засунуть в компостер банковскую карту. Сообразив, что сглупил, Фёдор убрал её в карман и, оглядев салон, пробрался на единственное свободное место. Во взгляде соседа искрился неподдельный интерес, казалось, он искал себе собеседника.

— Из дома отдыха, что ли? — спросил он у Доброва, как только автобус тронулся.

— Какой дом отдыха? — сразу и не понял Фёдя.

— Санаторий «Азовское утро». Там ещё медсёстры работают. Ну, или просто девки, одетые под медсестер.

— Нет, не оттуда, — буркнул Добров, отвернувшись к окну, чтобы избежать дальнейшего общения.

Заметив, что дождь прекратился, Фёдор вышел на первой же остановке, расплатившись

мелочью, которую нащупал в кармане. Через дорогу начиналось какое-то село, а перед остановкой располагался открытый ангар, в котором стояли в ряд автобусы. Добров обернулся на крики. Прямо за его спиной дрались двое подростков. Добров их растащил, схватив за вороты курток:

— Но! Но! Но! Тпру-у-у! — скомандовал он пацанам, будто молодым жеребцам.

Ребята тут же поутихли, разошлись, понурились головы.

Добров зыркнул на них строго, но по-отечески, а затем двинулся в поисках какой-нибудь лавки. Долго идти не пришлось, скамейка обнаружилась неподалеку.

Автобусы начали по очереди трогаться из ангара: большая часть поехала прямо, остальные на перекрестке стали сворачивать то влево, то вправо. Добров подивился тому, как много бывает направлений и незаметных дорог. Увиденное отчего-то напомнило ему один из вокзалов Праги: старое здание, от которого отходит великое множество рельсов. Воспоминания о работе на железных дорогах навеяли печаль. За ними, будто в сравнение, вспомнилась работа механиком в Пушкине. И эта работа теперь не казалась ему такой уж противной, к тому же он там играл в баскетбол, и другие сотрудники и даже кое-кто из начальства называли его «большим человеком Москвы». Сравнение твёрдо засело в голове Доброва и в памяти привело его в метрополитен. Печаль стала чередоваться со злостью, яростью от того, что метро казалось Доброву всё ближе и ближе.

«И денег остается... сто восемьдесят тысяч», — помня о дорогой утренней потере, думал он, всё больше соглашаясь с ненавистной мыслью.

Добров поднял голову. Автобусы, что стояли ранее вереницей вдоль дороги, теперь медленно заезжали в ангар. Глядя на однообразно мелькающие перед ним бесконечные машины, Добров будто выпал из реальности. Пришёл в себя, заметив боковым зрением подъехавший к остановке автобус «Порт-Катон — Азов». Встал с лавочки, направился было к нему, но тут его что-то ударило в спину. И от толчка Добров в этот момент отчего-то опять

вспомнил Панкрата. Федор дёрнулся и развернулся со скоростью, которую показывал в былых матчах. Его окликнули:

— Эй! Киньте мячик!

Кричали с поляны, что была за лавочкой метрах в пятидесяти. Тут Добров сообразил, сколько он просидел здесь, и удивился: уже стемнело, о дожде ничего не напоминало. Под его ногами лежал мяч. Он обернулся в сторону автобуса, но очередной крик, донесшийся с поляны, будто приковал к земле.

— Федя! Федя! — окликнула Доброва жена, когда тот поздним вечером отрешенно сидел на кровати в их комнате. Придя в усадьбу и заведя, что она готовит ужин в кухне, он не сказал ей, что вернулся, а тихонько прошел в свою комнату. — Где был? Что делал?

Доброва насторожили интонации жены. Ему показалось, что она спросила с безразличием, не свойственным ей. Добров вдруг почувствовал, что случилась какая-то перемена. А еще ему показалось, что Оксана ждёт, когда он начнет ее расспрашивать. Тут он вспомнил о покупателе и выдал наконец:

— Никифоров приезжал?

— Да, забрал лошадей. Удивился, как вы с ним разминулись.

— А насчёт Панкрата он не удивлялся?

— Нет. Этот конь вернулся ещё днём.

Добров встал с кровати и стал расхаживать по комнате:

— Вернулся, значит? Но как? Он что, запомнил дорогу?

— Федь! — Оксана собирала вещи в сумку, готовясь к завтрашнему отъезду. — Ну откуда я знаю? Это ты у нас со всеми споришь да споришь. Андрей же сказал тебе, что найдут они коня.

— А мне почему не сообщили? — не отставал Добров.

— Хм, а ты взял мобильный?

Добров, скрестив руки на груди, продолжал ходить по комнатенке, давая ей меру в два-три шага.

— А мне кажется, это Чураба поймал Панкрата где-нибудь в поле, а то и в степи. Ты прямо видела, что конь вернулся обратно? Через калитку? — допытывался Федор.

Он рассмеялся. Получилось фальшиво, но всё это было от злости — ему хотелось доказать что-то в этом споре.

Оксана ничего не ответила, быть может, и вовсе не сочла услышанное за вопрос.

— Так как он вернулся? — Добров повысил голос.

Оксана по-прежнему копалась в сумке и попыталась отмахнуться от расспросов:

— Ну откуда я знаю?!

— Ты здесь была!

— Я... Федь, какая, к чёрту, разница? Тебе же нет дела до лошадей. Радуйся лучше, что остался при деньгах.

— И всё-таки рассказывали тебе Чураба или Вова, как он вернулся? Как они его увидели? — Добров терял терпение.

— Федь, короче, не знаю, что ты там затеял, но, как я вижу, на деньги тебе класть. Представляешь, что с тобой будет, уйди ты с работы?

— При чём тут это? — громыхнул басом рассерженный Федор. — Я задал конкретный вопрос: видела ли ты, как конь вернулся?

Добров встал, нависнув над Оксаной. Та начала что-то бормотать, но вдруг рассмеялась:

— Ты вбил себе в голову, что у вас с этим конём какие-то счёты? Боишься его?

— Заткнись, — рявкнул Федька. — Моё дело, зачем спрашиваю.

— Да забрали уже коня твоего, можешь спать спокойно, — примирительно ответила жена.

У Доброва дёрнулось запястье, рука потянулась к виску — начался нервный тик.

— Или тебе зверушку стало жалко? Так забрал бы его с собой, в Москву, — иронизировала Оксана.

Неожиданно Добров со всей дури врезал ногой в отцовский комод так, что насквозь пробил его стенку. Нога чуть выше стопы застряла в обломках пластика и деревяшки от комода. Стиснув зубы от гнева, Добров выдрал из пробитой дыры левую ногу, к подошве ботинка которой прилипла маленькая фотокартонка отца.

— Ладно. — Добров заметил, что Оксана шокирована и не собирается его перебивать. — Уедем завтра, — успокаиваясь, добавил он и направился на улицу.

Чубары в конюшне не оказалось. Добров

сел на кучу сена в одном из пустых помещений. Злости больше не было. Завтра они покидают Ростов.

Поезд тронулся. По лицу Доброва стали пробегать полоски света, порой останавливаясь и замирая. Оксана тоже молчала. Неожиданно дверь купе открылась, и вошла запыхавшаяся женщина.

— Ох, еле успела. Привстанете, я чемодан положу?

Добров встал, женщина подняла полку и положила чемодан. По её шее сбежали капли пота.

— Ух, всё! Хоть бы кондиционер дали, а то знаете какие тут поезда ходят?

— Знаю, знаю, — заверил Добров. — В «Тихом Доне» вентиляция обычно слабая. Я его как-то раз водил...

— Водили? — удивилась женщина, в ее глазах мелькнуло уважение к случайному попутчику.

— Да, было дело. Обычно водил другие поезда, — Добров, так и не сев на прежнее место, стоял, по-хозяйски облокотившись на дверь, — но довелось прокатиться и на этом. В Воронеже смена была. Добрался сам потом к родственнику до Ростова. Забронировал билеты. Думал вместе с ним в столицу поехать, чтобы всё показать! И Москву, и кабину маши-

ниста, и весь поезд. Удостоверение-то у меня имелось, нас бы с ним куда угодно пустили. И в нос, и в хвост.

Женщина была под впечатлением:

— А он чего?

— Сказал: сынок, захочу в Москву — полечу на самолёте!

Выйдя из купе в проход, Добров стал бродить взад-вперёд. Хромал то на одну ногу, то на другую. Но прохаживаться не прекращал ровно до того момента, как взгляд не зацепился за окно. Поезд проезжал свалку, на которой стояли автобусы, каркасы, оставшиеся от них, кузова, куски автомобилей, гигантские колёса, помятые салоны. В центре всего этого была вырыта яма, из которой виднелась куча металла, металлических внутренностей. Иными словами — кладбище машин.

□

Алексей ПЕНДРАКОВСКИЙ

родился в Москве 12 декабря 1992 года.

Студент пятого курса исторического факультета МГПУ

по специальности «История православной культуры».

Пишет рассказы.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2014» в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

